

Г. В. Дзидель
(РЭМ, СПб.)

СИСТЕМЫ РОДСТВА НАРОДОВ ЕВРАЗИИ И ПРОБЛЕМА ПАЛЕОЕВРАЗИЙСКОГО СУВСТРАТА

В науке прочно утвердилась традиция решать кардинальные вопросы этногенеза и этнической истории на основании данных лингвистики, археологии, антропологии и других дисциплин. Результаты анализа закономерностей развития языковой системы накладываются на археологический материал, наконец, сопоставляются с антропологической информацией — такова обобщенная схема процесса выяснения исторических судеб народов и определения места этих народов в существующих классификациях. Несовпадение объекта познания и инструмента познания (Долустим, народа и языка), как правило, считается несущественным.¹

Для современного состояния науки такая позиция проблемателна. С одной стороны, классическая индоевропеистика успешно решает вопросы этнической истории индоевропейцев исходя из языковых данных, заставляя при исследовании языков в других регионах мира опираться на свой опыт. С другой стороны, эмпирические факты показывают, что язык действительно играет этнодифференцирующую роль, которую трудно переоценить. Наконец (и это, пожалуй, главная причина), этнографами до сих пор не выработаны принципы опрелделения *генетического* родства народов, сопоставимые с принципами *ареального* родства (имеется в виду, учение об историко-этнографических областях) и *типологического изоморфизма* (учение о хозяйственно-культурных типах). В лингвистике известны все три типа классификаций,² поэтому отождествление исторической динамики языка и исторической динамики этноса выглядит закономерным.

Однако в этой связи нельзя не вспомнить высказывание С. А. Токарева, сделанное в 1964 г.: «В этнографической науке уже давно установился взгляд, что этнические общности, т. е. попросту народы, отличаются друг от друга не по одному какому-нибудь признаку, а по совокупности нескольких признаков: язык, территория, общее происхождение, экономи-

сожженного гриба-трутовика, разбавляя чаем, водкой или вином до получения жидкой кашицы. Изготовленную смесь закладывают за нижнюю губу, а при еде сплевывают. Готовят ее на 1—2 дня и хранят в табакерке. Особую приверженность к этому способу уплотбления табака ханты объясняют тем, что жевание табака в голодное время устраняет чувство голода, менее вредно для легких, чем курение, а на промысле заплах табака не отпугивает зверя.

Изменения, которые происходят в питании хантов, связаны с расширением ассортимента продуктов и распространением новых блюд. В основном они касаются жителей поселков, пользующихся покупными продуктами и услугами общепита. Однако и для них, и для хантов, ведущих традиционный образ жизни, любимыми остаются блюда народной хантыской кухни.

¹ Сальмские ханты — территориальная группа этноса, проживающая в Нерюнганском районе Тюменской области и включающая в себя старосалмских хантов и переселившихся сюда в 1930-е годы юганских.

² В последние годы на эту тему были опубликованы специальные статьи: Дзидель Г. В. 1) Традиции приготовления пищи у восточных хантов // Уралогипангистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск, 1985; 2) Субстратный компонент в пищевых традициях хантов // Проблемы этногенеза и этнической истории восточных Сибири. Кемерово, 1986; 3) Южные черты в пищевых традициях восточных хантов // Фольклор и этнография народов Севера. Л., 1986; 4) Пища восточных хантов // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. VII: Обские урты (Ханты и манси). М., 1991.

³ Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987. С. 24.

⁴ В представленных хантов число 5 символизирует мужское начало, 4 — женское.

⁵ Шульц Л. Р. Краткое сообщение об экспедиции на реку Сальм Сургутского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1913. Вып. 21. С. 12.

ческие связи, политическое объединение, культурные особенности, религия и прочее. На первое место в числе этих признаков выдвигаются то одни, то другие. В то же время нельзя определять этническую общность путем перечисления всех «видовых» признаков, которые играют роль в том или ином случае, ибо ни один из этих признаков не оказывается обязательным».³

Возникшая в этнографических кругах в последние годы неудовлетворенность относительно степени разработанности проблемы этноса⁴ является, видимо, возрождением этой скептической установки. Думается, необходимость этноса — народа — ни к одному из возможных параметров, ни к их совокупности, должна не только волновать теоретиков этноса, но и отражаться на результатах исследования этногенеза и этнической истории. Иными словами, этнографии необходимо выработать свой метод «наблюдения» за происхождением и древнейшими этапами развития народов, отличный от методов, предлагаемых смежными дисциплинами, и нацеленный в конечном итоге на построение *историко-генетической классификации народов мира*.

В качестве возможного варианта решения поставленной задачи предлагается обращение к такому этнографическому феномену, как *системы родства*. Сложилась более чем столетняя традиция рассматривать их как источник этносоциологической информации, т.е. исследовать древнее и актуальное состояние развития форм брака и семьи, выявлять особенности половозрастного деления общества или характер флипации. Традиция эта отсчитывается от работ американского юриста Л.Г. Моргана — пионера в области изучения систем родства. Но заслуживает специального внимания и тот факт, что социологический аспект исследований Л.Г. Моргана сформировался лишь в процессе изучения ученым собранного материала, а изначальной предпосылкой интереса к системам родства народов мира было стремление решить проблему, казавшуюся не по зубам сравнительной филологии, а именно: проблему происхождения и развития «арийских» и «семитских» народов и их языков.⁵ Именно такое понимание научного статуса систем родства привело Л.Г. Моргана к объединению систем родства группы северноамериканских этносов с системами родства урало-алтайских народов в «Турано-ганованский» тип.⁶

В дальнейшем многие выводы Л.Г. Моргана были пересмотрены, а социологическое содержание его штудий было развито в ущерб движавшему им этногенетическому императиву.⁷

Число работ, в которых этногенетическая проблематика превагировала бы над социологической, невелико. Исследователи смотрят на этнические процессы или с позиций *терминологии родства*, т.е. выясняют, являются ли лексические сходжения свидетельством генетического родства соседних этносов (либо результатом взаимовлияний), или с позиций принципов группировки родственников у нескольких близких родственных этнических общностей.⁸

В отвлеченных работах проводится мысль о том, что наличие общих структурных закономерностей в системах родства этносов определенной территории или широкой языковой общности вне зависимости от конкретной лексической оболочки родственных отношений может свидетельствовать об их общем происхождении. Так, М.А. Членов отмечает распрстранение *генерационного скоса типа омаха* и «скользящего счета поколений» у целой группы этнолингвистических общностей на территории Сибири, Центральной и Средней Азии.⁹ Н.В. Бикбулатов связывает скользящий счет поколений со всеми урало-алтайскими этносами и рассматривает этот факт как свидетельство их общего происхождения.¹⁰

Нами было показано, что генерационный скос типа омаха, нарушающий принцип биологического поколения и объединяющий в одну категорию матрилатеральных родственников $ков + 2$, $+ 1$ и 0 поколений, и скользящий счет поколений, для которого характерно слияние в одну категорию старших родственников младшего поколения и младших родственников старшего поколения, входят составной частью в субстанциональную типологию родства.¹¹ Исходным элементом этой типологии является *взаимная терминология родства*, т.е. функционирование одинаковых терминов между лицами разных поколений (например, между «дедом» и «внуком», «дядей» и «племянником»). Распад взаимной терминологии родства приводит к образованию однопорядковых систем — генерационного скоса типа омаха и *генерационного скоса типа круу*, последний отличается от первого слиянием в одну категорию матрилатеральных родственников $+ 2$, $+ 1$ и 0 поколений. Наконец, совместное действие генерационного скоса типа омаха

и генерационного скоса типа кроу обуславливает формирование скользящего счета поколений.

Как показал М.А. Членов, на территории Восточной Европы и Северной Азии генерационный счет типа омаха получил распространение у тюрков Сибири и Средней Азии, обских утров, монголов и самодийцев.¹² Определенной спецификой обладает генерационный счет типа омаха в системах родства кетов.¹³ Вопреки мнению Н.В. Бикбулатова (см. выше), мы не считаем, что границы бытования скользящего счета поколений в Евразии совпадают с ареалом уральско-алтайских языков. В Сибири скользящий счет поколений отмечен у тюрков, обских утров, самодийцев и тунгусов; он отсутствует у монголов, но известен кетам.¹⁴ В Средней Азии данная особенность систем родства фиксируется у всех народов, включая талджиков.¹⁵ В то же время она не характерна для систем родства азербайджанцев¹⁶ и в ослабленной форме присутствует в системах родства карачаевцев, балкарцев,¹⁷ ногайцев¹⁸ и гагузов.¹⁹

Нет оснований усматривать скользящий счет поколений в системах родства западных финнов и коми. Эти системы (исключая саамскую) относятся скорее к «описательному» типу (с конструкциями типа «сын брата отца», «сын брата матери» в качестве нормативного способа обозначения родственников)²⁰ и тяготеют к кавказско-переднеазиатско-североафриканскому ареалу.

В итоге можно констатировать, что скользящий счет поколений не зависит от языковой общности, а приурочен к определенной территории, охватывающей крайний восток Европы (Среднее Поволжье и Приуралье), Сибирь (кроме крайней Северо-Востока и территории расселения низков) и Среднюю Азию. Это позволяет рассматривать данный структурный принцип не как социологический факт (этнические общности указанной территории не отличаются социальной томогенностью), не как свойство языковой системы, а как показатель древнейших этноисторических процессов.

Столь узкая локализация скользящего счета поколений, как особенности систем родства, говорит о том, что только в данном регионе мира можно ожидать присутствие всех элементов построенной нами субстанциональной типологии.

Сразу отметим, что в чистом виде взаимная терминология родства в Евразии не фиксируется. Но имеется несколько си-

стем терминов родства, которые приближаются к «идеальному» варианту. Например, у самов +1 и 0 поколений разделены на старшую и младшую ветви, и дети младших родственников O_n обозначаются терминами, отличающимися от терминов для номинации старших родственников +1ⁿ только детерминативами. Те же детерминативы служат для разграничения поколений «дедов» и «внуков».²¹ Способ группировки родственников старшей и младшей ветвей 0 и +1 поколений в данной системе является обратным по сравнению со скользящим счетом поколений.

Следы терминологического слияния чередующихся поколений обнаруживаются в системе терминов родства японских и сахалинских айнов. У последних «внуков» принято обозначать тем же термином, который употребляется в обращении к старикам.²²

У кетов одним термином обозначаются младшие сибингити матери, дети старших сибингитов матери и дети женского сибингита эго.²³ Эта разновидность взаимной терминологии родства приближается к типу, названному нами авункулореципрокным.²⁴

Этими фактами исчерпывается практика употребления взаимной терминологии родства в нормативной лексике родства у этносов Восточной Европы и Северной Азии. Определенное сходство с системой употребления одинаковых терминов для родственников разных поколений имеет широко распространенный в Сибири и Средней Азии бычий нарекать новорожденных именами умерших предков и представление о передаче вместе с именами души умершего. Эти обычаи и представления в той или иной мере были развиты у юкагиров, эвенов,²⁵ кетов,²⁶ низков,²⁷ нанайцев, ульчей,²⁸ негидальцев,²⁹ удэгейцев,³⁰ ненцев,³¹ энцев,³² нганасан,³³ тувинцев,³⁴ саамов.³⁵ Но наиболее последовательно бычий передача имен от предков к потомкам проводится в жизни у американских эскимосов,³⁶ чукчей,³⁷ коряков,³⁸ обских утров,³⁹ сибирских татар,⁴⁰ туркмен⁴¹ и горных талджиков.⁴² Этим этносам известны специальные обряды узнавания умершего в новорожденном, присвоение наследственных имен носит по сравнению с другими перечисленными народами редулярный характер, а по отношению к новорожденным принято употреблять те термины родства, которые в нормативном порядке употреблялись в отношении соответствующих умерших (феномен

«патронимической инверсии»). В инверсивном употреблении термины родства имеют тенденцию превращаться в личные имена.⁴³ Мы склонны видеть в феномене патронимической инверсии промежуточный этап в процессе распада взаимной терминологии родства и формирования представления о реинкарнации душ умерших в новорожденных и обычая наследовать имена умерших.

Если следов бытования в прошлом в системе терминов родства обитателей Восточной Европы и Северной Азии взаимных терминов оказалось достаточно, то черты генерационного скоса типа кроу обнаружить на данной территории не легко. По сути дела, есть лишь один факт в терминологии родства нганасан, который можно интерпретировать в указанном смысле. Это отмеченный Л.А. Файнбергом случай употребления термина *икау* для обозначения не только «старшей сестры» и «младшей сестры отца», но и «дочери сестры отца». ⁴⁴

Таким образом, мы можем сделать вывод, что скользящий счет поколений в системах родства этносов Евразии есть результат трансформации первичной системы взаимной терминологии родства с образованием в системах родства генерационных скосов типов омаха и (или) кроу. Терминология родства сама по себе консервативна, а элементы субстанциональной типологии консервативны вдвойне. Поэтому реконструированной нами динамический процесс растянулся, по всей видимости, на чрезвычайно длительный период времени. На то, что взаимная терминология родства бытовала в Евразии в весьма отдаленном прошлом, указывает, с одной стороны, факт отсутствия в системе терминов родства данного региона взаимной терминологии родства в чистом виде, и факт сохранения пережитков этой структурной особенности в этносах-изолятах, а с другой стороны, множественность путей трансформации взаимной терминологии родства: через генерационный скос внутри самих систем родства или через сферу репродуктивных представлений и антропонимическую систему.

Наблюдения за распространением элементов субстанциональной типологии в разных регионах мира показывают, что они чужды этновыковой преэмпиричности, служат показателями нестабильности этнической ситуации и могут рассматриваться как свидетельства складывания новой этнической общности на месте старой. Исходя из этих закономерностей,

можно отнести реконструкцию взаимной терминологии родства на территории Евразии не к существующим этновыковым общностям, а к типологическому палеоевразийскому субстрату, реальность которого основывалась до сих пор на лингвистических, археологических и фольклорных данных. ⁴⁵ Согласно общепринятому мнению, в Западной Сибири эта субстратная общность была ассимилирована кочевыми пришельцами с юга. Этот процесс растянулся, на длительное время. ⁴⁶

По всей видимости, именно к этому периоду можно отнести формирование генерационного скоса типа омаха в системе родства современных этносов Сибири. Примечательно, что остатки взаимной терминологии родства обнаруживаются либо у тех этносов, которые избежали ассимиляции со стороны кочжных кочевников и были отнесены на север (чукчи, коряки, айны?) (в их системах родства генерационный скос типа омаха не прослеживается), либо у тех этносов, ассимиляция аборигенного субстрата в составе которых, видимо, зашла не так далеко, как в других областях Сибири (обские угры). Если генерационный скос типа омаха достаточно уверенно можно связывать с суперстратным компонентом, то следы генерационного скоса типа кроу в системах родства нганасан выявляются, видимо, реакцией субстрата на проникновение индигенной общности. Если исходить из того, что скользящий счет поколений возникает как следствие одновременного приращения принципа «кроу» и принципа «омаха», то, видимо, можно реконструировать генерационный скос типа кроу, с одной стороны, для тюрков и финнов Среднего Поволжья и Приуралья, в системах родства которых скользящий счет поколений охватывает и матрилатератов и патрилатератов (что, естественно, исключает генерационный скос типа омаха), а с другой — для некоторых этносов тунгусо-маньчжурской группы, системы родства которых лишены черт генерационного скоса типа омаха (например, удэгейцев). У удэгейцев зафиксировано любопытное представление о реинкарнации души: душа умершего воспринимается в человеке противоположного пола. ⁴⁷ Это полностью соответствует половой асимметричности генерационно-скошенных моделей (прежде всего генерационного скоса типа кроу).

Что касается специфики саамской системы родства, то ее можно рассматривать как свидетельство того, что предки саамов мигрировали на запад, возможно под внешним давлением.

ем, либо до проникновения южных элементов в Северную Сибирь, либо в самом начале их проникновения.

Закономерным будет поставить вопрос о том, не содержат ли системы родства информации о происхождении аборигенного субстрата в Евразии. В этой связи следует обратить внимание на такое обстоятельство, как необычайно широкое распространение взаимной терминологии родства в Северной и Центральной Америке (около 50 этносов против 30 этносов в Африке, 25 австралийских групп и 25 этносов Океании). Важная терминология родства в Америке имеет и более «сильную» форму: в системе терминного родства она охватывает во многих случаях (юго-алтэксские народы, селиши) все катэ-тории родственников (в северной Евразии саамский вариант ВТР приближается именно к такой «сильной» форме).

Основываясь на том, что системы родства народов Евразии восходят к такой субстратной структурной особенности, как взаимная терминология родства, получившей свою наиболее полную и глубокую реализацию у этносов американского континента, мы делаем вывод о том, что *корни древнейшего аборигенного субстрата на территории Евразии лежат в Северной и Центральной Америке.*

Этот вывод, противоречащий общепринятому взгляду на характер исторических связей жителей Азии и Америки, находит подтверждение и в других областях знания. Так, эргативный строй языка, зафиксированный в Евразии у басков, казских народов, кетов, палеоазиатов, юкагитов и эскимосов⁴⁸ и реконструируемый для праиндоевропейского, протофразийского, алтайского, прауральского, протодравидийского (и соответственно ностратического) языков,⁴⁹ восходит к «активному» строю североамериканских языков.⁵⁰ Примечательно, что взаимная терминология родства и эргативная конструкция обладают полным структурным изоморфизмом и, с известной долей условности, можно сказать, что в ее основе лежит «эргативное родство», а синтаксис эргативного языка базируется на отношениях взаимности между агенсом и пациенсом.

Второе подтверждение высказанной гипотезе лежит в области фольклора. Известно, что наиболее расхожим мифологическим сюжетом на американском континенте является миф о разорителе орлиных гнезд. Отголоски этого мотива сохранились в кетском и обско-уторском фольклоре.⁵¹ В ситуа-

ции, когда данный мотив распространен во всей Америке с чрезвычайно разнообразием, а в Евразии представлен, хотя и яркими, но явно вторичными, по сравнению с американскими, версиями, странным выглядит заключение исследователей о том, что он был занесен в Америку «еще с первыми волнами миграции из Евразии».⁵² Логичнее будет говорить об обратном движении. Мы предполагаем, что в Евразии расматриваемый мотив распался на два самостоятельных сюжета: на космический миф о творении мира из яйца, распространенный, как было показано в монографии В.В. Напольских,⁵³ среди народов уральской языковой семьи у западных финнов, коми и мордвы (ср. такой общий для обоих мифов элемент, как высиживание орлом яиц в гнезде, которого затем в мифе о творении выпадает из гнезда и разбивается), и на шаманско-героический миф о рождении из яйца в гнезде на вершине дерева. Последний сюжет, по предвзвешенным наблюдениям, известен тюркам Сибири, монголам, корейцам, близкие варианты обнаруживаются в фольклоре утров, нинхов, нанайцев. Связующим звеном между космическим и шаманско-героическим сюжетами следует, видимо, признать мордовский миф о рождении из яиц трех богинь.⁵⁴ На основе двух сюжетов о творении из яйца формировался, как кажется, общеуральский миф о ныряющей птице (ср. коми-зырянский вариант о том, как демиурги достают со дна первичного океана не землю, а выпавшее из гнезда яйцо).⁵⁵

Таким образом, три формально самостоятельных мотива парадигматически оказываются связанными в строго определенной логикой «жизнь—смерть—воскресение». Та же логика управляет и сменой почти буквального совпадение в Евразии ареалов взаимных терминного родства и мифа о разорителе гнезд, генерационного скоса типа омаха и шаманско-героического сюжета о творении из яйца, скользящего счета поколений и мифа о ныряющей птице. Опираясь на эти сождения, можно высказать предположение о связи описательных систем терминного родства с генерационным скосом типа кроу, так как область бытования космического мифа о творении из яйца достаточно точно накладывается на зону распространения описательных систем терминного родства.

Типология мифологических мотивов и типология систем родства свидетельствуют о том, что современные этнические общности Северной Евразии возникли в результате трансформации аборигенного субстрата, вышедшего с американского континента. В Америке мотив творения из яйца не известен ни в какой форме,⁵⁷ очевидно, он сформировался уже в Евразии. Не исключено, что миф о ныряющей птице был занесен в Америку более поздними эмигрантами из Азии, хотя, возможно, это результат развития мифа о разорителе гнезд без промежуточного этапа в виде мифа о творении из яйца.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в решении вопросов древнейшей этнической истории и этногенеза народов на смену комплексному подходу, для которого характерно производное оперирование данными разных (смежных) дисциплин, должна прийти системная методика, зерном которой является опора на «скелет» из нескольких внутренне идентичных динамических реалий. Функция такого «скелета» — выявление общих закономерностей протекания этнических процессов, которые в дальнейшем могут быть уточнены и детализированы на основе материала сторонних отраслей знания. Для американо-евразийского ареала этногенетический «скелет» включает в себя субстанциональную типологию родства, типологию языковой предикации и парадигматическую типологию мифологических мотивов.

1 *Хеллмиский Е.А.* Самоинская лингвистическая реконструкция и пранстория самодийцев // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. М., 1991. С.97.

2 *Якобсон Р.* Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. 1963. Вып.3.

3 *Токярев С.А.* Проблема типов этнических общностей // Вопросы филологии. 1964. № 11. С.43.

4 См., напр.: *Бейков П.Д.* О методе построения теории этноса // Этносы и этнические процессы. М., 1993; *Соколовский С.В.* Парадигмы этнолингвистического знания // Этнографическое обозрение. 1994. № 2; *Чешко С.В.* Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6.

5 *Morgan L.N.* Systems of consanguinity and affinity of the human family. Washington, 1971. P.V-VI.

6 См.: *Морган Л.Г.* Древнее общество. Л., 1934.

7 Ср.: *Членов М.А.* Об архаичном подходе к изучению систем родства // Архаичные исследования в языкознании и этнографии. Уфа, 1985. С.180.

8 См.: *Крюков М.В.* 1) Полиязычные системы родства как этногенетический источник // Австралия и Океания. М., 1978. 2) Терминология родства как показатель этнической ситуации // Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. М., 1987; *Стеваковский А.Б.* Тер-

минология родства как этногенетический источник // Краткое содерж. докл. Минлого, науч. сессии Института этнографии. 1983 г. Л., 1985.

9 *Членов М.А.* Некоторые проблемы типологии систем родства тюркских народов Сибири // Проблема происхождения и этнической истории тюркских народов. Томск, 1987.

10 *Бихудитов Н.В.* Балкарская система родства. М., 1981.

11 См.: *Ливинь Г.В.* О системном подходе к феномену родства // Кнута-мера. Этнографические тетради. 1995. № 7. В пятиручейной работе типология называется функционально-прагматической, но правильнее именовать ее субстанциональной.

12 *Членов М.А.* Некоторые проблемы... С.104—105.

13 *Александрко Е.А.* Кеты. Л., 1967. С.158.

14 *Членов М.А.* Об архаичном подходе... С.180.

15 *Кисляков Н.А.* Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Выхи-Воло. М., Л., 1936. С.151—156.

16 *Джидаров Г.О.* О системе терминов родства в азербайджанском языке // Изв. АН Азерб. ССР. Сер. литература, языка и искусства. 1970. № 3.

17 *Отаров И.М.* Очерки карачаево-балкарской терминологии. Нальчик, 1987. С.74—89.

18 *Гаджиева С.Ш.* Очерки истории семьи и брака у ногайцев. М., 1979. С.16—18.

19 *Можиков В.А.* Галузцы Вендерского уезда // Этнографическое обозрение. 1901. № 2. С.6—8.

20 См., напр.: *Белицер В.Н.* Очерки по этнографии народов коми // ТИЭ. М., 1958. Т.45. С.294—298.

21 *Куровитиник М.С.* Система терминов родства кольских саамов // Алгебра родства. СПб., 1995. Вып.1. С.206—210.

22 *Стеваковский А.Б.* Айнская терминология родства // СЭ. 1986. № 2. С.53.

23 *Александрко Е.А.* Указ. соч. С.158.

24 *Ливинь Г.В.* К построению типологии взаимной терминологии родства // Африка: Проблемы перехода к раджанскому обществу. М., 1994.

25 *Трувич И.С.* Корякские промисловые праздники // Сибирский этнографический сборник. М., 1962. Вып.4. С.255.

26 *Александрко Е.А.* Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С.103.

27 *Крейнович Е.А.* Рождение и смерть человека по воззрениям тувинцев // СЭ. 1930. № 1. С.89.

28 *Смоляк А.В.* Шаман: личность, функции, мировоззрение. М., 1991. С.123.

29 *Штернбергер Л.Я.* Гилжик, орочин, тольды, нетидальды, айны. Хабаровск, 1933. С.539.

30 *Подмастин В.В., Смирнов А.Ф.* Удэгейские имена // Ономастика: Типология. Стратиграфия. М., 1988. С.212.

31 *Терещенко Н.М.* Собственные имена людей у ненцев // Вопросы финно-угорского языкознания. М., 1965. Вып.3. С.62.

32 *Долгих Б.О.* Старинные обычаи эльцев, связанные с рождением ребенка и выбором ему имени // КСИЯ. 1954. Т.20. С.38.

33 *Терещенко Н.М.* Личные имена у низасан // Этнография имен. М., 1971. С.41—42.

34 *Дьяконова В.П.* Религиозные представления айтайцев и тувинцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С.280.

- 35 Фразер Дж. Золотая ветвь. М., 1983. С.290.
- 36 Штернбергер Л.Я. Эволюция религиозных верований // Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. С.309—310.
- 37 Богораз В.Г. Чукчи. Л., 1939. Т.2. С.177—179.
- 38 История и культура коряков. СПб., 1993. С.113—114; Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. М., 1974. С.391, 394, 395, 621.
- 39 Сказки 3.Л. Наследственные, или предковые, имена у обских ургов и связанные с ними обычаи // СЭ. 1975. № 5.
- 40 Самтатов Г.Ф. Словяные титулы и древнетатарские личные имена // Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969. С.55—56.
- 41 Мухаммедова З.Б. К вопросу о личной ономастике у туркмен // Труды Института языка и литературы. Алмабад, 1957. Вып.2. С.43—44.
- 42 Рахимов Р.Р. Две заметки по антропонимии Зеравшанской долины // Ономастика Средней Азии. М., 1978.
- 43 См., напр.: Рахимов Р.Р. Указ. соч.; Самтатов Г.Ф. Указ. соч. С.55—56.
- 44 Файнберг Л.А. Терминология родства низложен как исторический источник // Сибирский этнографический сборник. М., 1962. Вып.4. С.229.
- 45 См.: Чернецов В.Н. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре // VII Между. конгресс антропологов и этнографов. М., 1964; Сунченко Ю.Б. Ранние этапы этногенеза народов уральской языковой семьи Заполярья и Приполярья Евразии // Этногенез народов Севера. М., 1980.
- 46 См., напр. Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного севера в Приобье // ТИЭ. 1947. Т.1. С.113.
- 47 Подмажин В.В., Старицев А.Ф. Указ. соч. С.212.
- 48 См.: Климов Г.А. Очерки общей теории эргативности. М., 1973.
- 49 См.: Палайлис Л. Место уральистики в разрешении борсальной гипотезы. Вопрос эргатива // Уч. зап. Тартуского гос. ун-ва. 1978. Вып.455.
- 50 См.: Климов Г.А. Указ. соч.
- 51 Иванин В.В. Кетско-американно-индейские связи в области мифологии // Кетский сборник. Л., 1982.
- 52 Там же. С.141.
- 53 Наволожских В.В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи. М., 1991.
- 54 Там же. С.29, 31.
- 55 Там же. С.29.
- 56 Лейбель Г.В. О системном подходе...
- 57 См.: Коул А.В. The creation myths of the North American indians // Anthropos. 1957. Vol.52.

Ю.Г. Кустова
(МЭЭ РАН, СПб.)

ИГРУШКИ ХАКАССКИХ ДЕТЕЙ (КОЛЛЕКЦИЯ ОТДЕЛА СИБИРИ В КНУСТАМЕРЕ)

Детство хакасского ребенка сопровождали различные игры и игрушки. Игрушки хакасских детей создавались с матери, и взрослыми. Содержание игр знакомило ребенка с материальными и духовными ценностями культуры. Игрушка выполняла большую воспитательную роль. Она приобщала детей к реальным сторонам жизни, способствовала процессу их социализации. Игрушки хакасов подразделялись по половозрастному признаку. Однако были и такие, с которыми играли не только дети обоих полов, но и взрослые.

Наиболее ярким содержанием игр детей было подражание взрослым: дети воспроизводили те или иные виды хозяйственной деятельности, спены из семейного быта. В традиционной культуре хакасов представлен тип игрушки, который генетически восходит к глубокой древности. Он безобразный и представлен астралами домашних животных (овцы, козы, коровы). К сожалению, в МЭЭ отсутствуют астралы и нет описания игр с ними. В семье обычно накапливали значительное количество овечьих астралов, и дети охотно в них играли. Овечьи астралы изображали в игре лошадей, иногда к ним приделывали упряж. Кроме этого они представлялись как овцы, коровы и другие животные, составляя целые игрушечные стада и табуны маленьких «хозяев». Дети кормили, поили, перегоняли свои стада и отары с пастбища на пастбище, выступали в роли чабанов и пастухов.

Помимо этого древнего вида игрушек хакассские дети знали игрушки, вырезанные из дерева или толстой коры тополя. Для мальчиков любимыми игрушками были лощалки. Фигурки вырезались из коры плоскими, имели по одной задней или передней ноге, у деревянных — их было четыре. Те и другие фигурки очень тщательно воспроизводили экстерьер животного, хвост у них выполнялся из ниток или конского волоса. Как и у настоящих коней, на детскую игрушку ставили знак («гамга») владельца. Тщательная трансляция важных особен-

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО
(КУНСТАМБРА)

**КУЛЬТУРА
НАРОДОВ
СИБИРИ**

**МАТЕРИАЛЫ
ТРЕТЬИХ СИБИРСКИХ ЧТЕНИЙ**

Санкт-Петербург
1997